

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена

Женевский университет

Петербургский институт иудаики

Восьмая

международная летняя школа по русской литературе

Статьи и материалы

Каукоемриälä (Цвелодубово)
Свое издательство
2012

Наталья СОЧНЕВА
(Курган)

Типология повествований о княжеских преступлениях в составе Лаврентьевской и Ипатьевской летописей

В процессе анализа художественного своеобразия произведений древнерусской литературы наиболее продуктивным представляется жанровый подход. Как писал В.В. Кусков, «...именно жанр определял характер большинства компонентов художественной структуры произведений древнерусской литературы. Жанр — идеальная модель, определяемая традицией, особенностями адресата, утилитарно-функциональными характеристиками. «Вычитая» ее из художественной структуры конкретного памятника литературы, мы получаем основу для определения его индивидуального художественного своеобразия...»¹.

Летопись, по классификации В.В. Кускова относится к жанрам историческим, «мирским», и, по определению Д.С. Лихачева, к жанрам «синтетическим». Она включает в себя разнородные в тематическом, жанрово-композиционном и стилистическом отношении фрагменты.

В науке существуют разные подходы к выделению первичных жанров в рамках летописи. Так, И.П. Еремин на материале Киевской летописи (она непосредственно примыкает к «Повести временных лет» и доводит изложение до 1200 года) выделяет три основных жанра в составе летописи: погодную запись, рассказ и повесть.

Погодная запись в составе Киевской летописи, как и в любой другой, не имеет своего определенного места; нередко записи заполняют собою весь год и следуют одна за другой, читаются подряд; часто вклиниваются в середину летописного рассказа, перебивая последовательность изложения, либо присоединяются к рассказу в начале или в конце. По своему объему погодная запись очень невелика. Предельная краткость изложения — наиболее характерный ее внешний признак. Функция этих формул двояка: это — указатели времени и вместе с тем формулы перехода от одного сообщения к другому².

¹ Кусков, В.В. История древнерусской литературы: учебник для студентов вузов. — 6-е изд. — М., 1998. — С. 10

² Еремин И.П. Литература Древней Руси (этюды и характеристики). — М. — Л., 1966. — С. 98

И.П. Еремин обращает внимание на типологическое родство между погодной записью и **летописным рассказом**, прежде всего в содержании: однако, в отличие от записи, рассказ излагает преимущественно политические события — повествует о феодальных войнах XII века. Последовательность изложения — один из наиболее характерных признаков летописного рассказа; здесь, в рассказе, она становится предметом специальных забот летописца; нарушение последовательности изложения уже начинает ощущаться как известный недостаток. Как и в погодной записи, здесь за немногими исключениями, еще нет ничего «литературного», сочиненного. Это рассказ в буквальном смысле слова, обычно составленный по свежим следам события очевидцем или со слов очевидца. Одна из наиболее характерных особенностей летописного рассказа — речи действующих лиц повествования. В рассказе, и в этом проявляется его литературное своеобразие, отчетливо ощущается присутствие «автора», он уже заявляет о себе оценками тех или иных событий, попытками комментировать их, прямой характеристикой действующих лиц повествования³.

Наряду с рассказами строго фактического и делового характера, Киевская летопись содержит в себе еще один повествовательный жанр — **повесть**. Во многом похожая на рассказ, повесть отличается прежде всего тем, что она более или менее последовательно выдержана в рамках определенного литературного стиля, именно агиографического. Повестей в указанном понимании этого термина в составе Киевской летописи сравнительно немного: это повести под 1147 г. об убийстве Игоря Ольговича, под 1168 г. — о кончине Ростислава Мстиславича, под 1175 г. — об убийстве Андрея Боголюбского, под 1178 г. — о кончине Мстислава Ростиславича, под 1197 г. — о кончине Давида Ростиславича. Обращает на себя внимание тот факт, что все повести посвящены одной и той же теме: смерти того или иного князя. Назначение повести заключалось в том, чтобы дать новый агиографический просветленный образ идеального князя, блистающего всеми возможными христианскими, даже монашескими добродетелями⁴.

О.В. Творогов выделяет в составе летописи только два жанра: погодные записи и летописные рассказы. Он пишет: «На наш взгляд, существенен не только характер сочетания противопоставленных друг другу методов изображения действительности: отдельные фрагменты летописи выделяются на общем фоне хроникальных записей ха-

³ Там же. С. 104

⁴ Там же. С. 114

рактором повествования. Таким образом, противопоставляются друг другу сообщения о событиях (порой документальные и подробные, но сообщения) и описания их. Поэтому можно предложить выделять в летописи не три, как И.П. Еремин, а два слоя — погодные записи и летописные рассказы»⁵.

В настоящее время появились и другие подходы к изучению жанра летописи. А.А. Пауткин считает, что наиболее продуктивным является не жанровый, а тематический подход. Исследователь пишет: «...Действительно, выбор древнерусским автором предмета описания — это выбор определенного угла зрения на мир, способа его запечатления, стиля и, наконец, определенной формы повествования. Тема задавала, по сути, направление деятельности средневекового писателя, включая поиск авторитетных источников, подбор книжных аналогий и т. д. Не станем утверждать, что тематика является важнейшим и единственным фактором, определяющим стилистический облик всех произведений древнерусской литературы, но применительно к летописным текстам это во многом именно так...»⁶.

В своей статье мы следуем жанровому подходу, который развивается в концепциях И.П. Еремина и Д.С. Лихачева.

Обращаясь к вопросу типологии повествований «о княжеских преступлениях», следует отметить, что как отдельный жанр в составе летописи, эти повести впервые выделил Д.С. Лихачев: «...В составе летописей XII в. (отчасти и более поздних) нередко можно встретить остатки многочисленных обличительных повестей о политических преступлениях князей. В этих повестях мы можем легко обнаружить все признаки особого литературного жанра, типичного для периода наиболее острых феодальных усобиц. Эти повести предназначались одной из вражеских сторон служить своего рода обвинительными актами против другой... Хронология их существования тесно связана с хронологией политических преступлений эпохи феодальной раздробленности. Время распространения этого жанра совпадает со временем феодальных распрей. Можно предполагать, что уже первое политическое убийство, которым сопровождалось на Руси начало феодального дробления «империи» Владимира — убийство Бориса и Глеба вызвало появление произведения отчасти близкого к этому жанру. Последняя (или одна из последних) повестей о преступлениях князей читается в московском своде 1472 г. под 1425 г.:

⁵ Творогов, О.В. Истоки русской беллетристики: возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. — Л., 1970. — С. 35

⁶ Пауткин, А.А. Беседы с летописцем: Поэтика раннего русского летописания. — М.: Изд-во МГУ, 2002. — С. 13

это повесть об ослеплении Василия Темного Дмитрием Шемякой и Иваном Можайским. На протяжении всех этих веков жанр повестей о политических преступлениях князей имеет все черты композиционной устойчивости, но особенного развития и особенной типичности эти повести достигают в XII веке...»⁷.

На нашем материале мы постараемся выявить различные типы реализации жанровой специфики произведений о княжеских преступлениях на материале Лаврентьевской и Ипатьевской летописей и подтвердить, что именно жанровые критерии определяют основные черты композиции и стиля соответствующих фрагментов повествования.

Мы анализируем повествовательные фрагменты, связанные с насильственной смертью князей или преступлением против них, разделяя их на жанры, в соответствии с классификацией И.П. Еремина (погодная запись, рассказ и повесть), считая, что главное отличие летописной исторической повести от летописного рассказа заключается в ее большем объеме и литературной обработанности (развитые сюжет, композиция, система образов).

Погодная запись — жанр, наиболее широко представленный в летописях. Конечно, по объему она уступает произведениям других жанров, но по частотности употребления без сомнения стоит на первом месте.

Мы выделили следующие погодные записи, отражающие тему княжеского преступления: **под 1036 г.** о заточении князя Судислава его братом Ярославом Мудрым: «...*То же лето всади Ярославъ. Судислава въ порубь. брата своего Плескове. оклеветаны к нему...*»⁸ [Ипат. л., с. 139]; **под 1083 г.** о захвате князем Олегом Давыда и Володаря Ростиславичей [Ипат. л., с. 195]; **под 1101 г.** о том, как Ярослав Ярополчич захватил Святополка: «...*в то же лето заратися. Ярославъ Ярополчичъ оу Берестьи. и изиде на нь Святополкъ. и заступи и в городе. и емь и окова. и приведе и до Киева. и молися о немь. митрополитъ. и игумени. оумолиша Святополка. и оузаводиша и оу раку. святою Бориса и Глеба. и сняша с него оковы. и пустиша и...*» [Ипат. л., с. 249]; **под 1102 г.** о том, как уже Ярослава Ярополчича оковал Ярослав Святополчич: «...*того же месяца на исходе. перль-*

⁷ Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. — М. — Л., 1947. — С. 215

⁸ Здесь и далее текст Лаврентьевской летописи цит. по изд.: ПСРЛТ. I. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку— М., 1962; текст Ипатьевской летописи цит. по изд.: ПСРЛТ. II. Ипатьевская летопись — М., 1962

сти Ярославъ. Святополчичъ. Ярослава Ярополчича. ятъ и на Нури. и приведе къ отцю Святополку. и оковаша и...» [Ипат. л., с. 249]; **под 1116 г.**, о том как убили обманом зятя князя Владимира [Лавр. л., с. 291]; **под 1127 г.**: «...В се же лето. въгна Ольговичъ Всеволодъ. своего стрѣя. Ярослава. ис Чернигова. и дружину его исече. и разграби...» [Лавр.. л., с. 295], ср. [Ипат. л., с. 289]; **под 1140 г.**: «...Мъстиславъ от рати. и помянуу первеи посла по Кривитьстеи князе по Давьда по Ростислава. и Святослава. и Рогъволодича два. и оусажа оу три лодьи. и поточи и. Царюградоу за неслоушание ихъ а моужи свои посажа по городомъ ихъ...» [Ипат. л., с. 303]; **под 1174 г.**: «...В то же лето непокоршимся Ростиславичемъ князю Андрею. и в воли его не ходящи. паче же Давдъ Ростиславичъ. Вышегородскъи князь. здумавъ с братьею своею. приехавъ ноци противу свету к Киеву. ятъ брата князя Андрея Всеволода. и Ростиславича Ярополка. и дружину ихъ...» [Лавр.. л., с. 365]; **под 1202 г.** о преступлении князя Владимира против жены и детей князя Романа: «...Княгини же Романова. везмие дѣтате свои. и бежа в Володимерь. И еще же хотящю Володимероу. искоренити племя Романово...» [Ипат. л., с. 717]; **под 1238 г.** о захвате князем Даниилом Романовичем князя Ростислава Мстиславича: «...А Ростиславъ Мъстиславичъ. Смоленского седе Киеве. Даниль же еха на нь. и я его. и остави в немъ Дмитра...» [Ипат. л., с. 781]; **под 1297 г.**: Лавр. лет. — «...того же лета князь Александръ Глебовичъ взя лестью княжение Смоленское под отцемъ своимъ...» [Лавр.. л., с. 527]. Как мы видим, из всего числа погодных известий почти за двести лет в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, можно считать, что записей данной тематики в целом немного.

Характерно, что в некоторых погодных записях присутствуют библейские аналогии. Это погодные записи **под 1142 г.** о том, как князь Игорь Ольгович пошел войной на Переяславль: «...Вниде Вячеславъ Всеволодичъ. **врагъ же роду хръстьянску дьяволь. ражже сердце Игореву Ольговичю.** всхотя ити в Переяславль. и пришедь ста по Стрекви. и много пакости створиша. села пожгоша. и жита попасоша. и стояше. 2. месяце...» [Лавр. л., с. 309]; **под 1217 г.** о вражде между сыновьями князя Всеволода: «...Искони злыи **врагъ дьяволь. ненавидли всегда добра роду челоучю.** паче же хръстьяномъ. не хотя дабы не одинъ в вечней муце былъ яже есть оуготована ему и суцим с нимъ. съ оканънии дьяволь въздвиже некую котору злу межи князи сынѣ Всеволожи. Костантином. и Юргемъ. и Ярославом. и бишася оу Юрьева. и одоле Костантинь. но пакы Богъ и крестъ честныи. и молитва отца ихъ и дедня. введе я великую любовь. и седе Костантинь в Володимери на

столе. а Юрги Суждали. и бысть радость велика в земли Суждальстеи. **а дьяволь единъ плакаше своя погъбели...**» [Лавр. л., с. 439]; **под 1255 г.**: Лавр. лет. — «...Того же лета. Здумаша Новгородци. послати Далмата епископа Новгородьского. к великому князю Александру. с грамотами яко о миру. оному же оумедлившю. **и встави дьяволь вражду. искони ненавидяи добра роду человеческому. и бысть крамола в Новегороде. възгнаша Василья князя...**» [Лавр. л., с. 473].

К летописному рассказу мы относим следующие фрагменты, повествующие об убийствах князей: об убийстве князем Олегом Аскольда и Дира в 882 г., о смерти князя Олега при бегстве от войск Ярополка в 977 г., об убийстве Ярополка 980 г., об отравлении князя Ростислава 1066 г., об убийстве Ярополка 1086 г., об убийстве ханов Илтаря и Кытана 1095 г., о заговоре Всеволода Ольговича против других князей 1139 г., о преступлении против князя Ростислава Юрьевича 1149 г., об убийстве князя Глеба Рязанского 1177 г., о заговоре князей Романа, Игоря и Владимира 1186 г., о преступлении князя Романа 1205 г., о заговоре князя Ярослава 1228 г., о заговоре галицких бояр против князя Даниила Романовича 1230 г., об убийстве литовского князя Войшелка князем Львом Даниловичем 1268 г.

Так, во фрагменте **под 882 г.** рассказывается о том, как князь Олег, желая править в Киеве, обманом призвал к себе варягов Аскольда и Дира и убил их. Здесь мы можем выделить такие мотивы как мотив заговора (преступный замысел): «...Придоста къ горамъ хъ Киевьскимъ. и оувиде Олегъ яко Аскольдъ. и Диръ. княжита. [и] похорони вои въ лодьях. а другия назади остави. а самъ приде нося Игоря детьска. и приплу подъ Оугорьское. похоронивъ вои своя. и присла ко Асколду и Дирови глаголя. яко гость есмь. [и] идемъ въ Греки от Олга и от Игоря княжича. да придеета к намъ к родомъ своимъ...» [Лавр. л., с. 23]; мотив убийства: «...Аскольдъ же и Диръ придоста. [и] възскакав же вси прочии изъ лодья. и рече Олегъ Асколду и Дирови. въ неста князя. ни рода княжа. но азъ есмь роду княжа. [и] възнесоша Игоря. и се есть сынъ Рюриковъ. и оубиша Асколда и Дира...» [Лавр. л., с. 23].

Во фрагменте **под 977 г.** о смерти князя Олега Святославича мы можем выделить следующие мотивы: мотив заговора, истоки которого раскрываются в статье под 975 г.: «...Ловы деующю Свенгелдичю. именовъ Лоть. ишедь бо изъ Киева. гна по звери в лесе. оузре и Олегъ. и рече кто се есть. и рекоша ему Свенгелдинъ. и заехавъ оуби и. бе бо ловы дея Олегъ. и о том. бысть межи има ненависть Ярополку на Ольга. и молвяше всегда Ярополку Свенгелдъ. поиди на брата своего. и приимеши власть един. его хотя отмъстити сыну своему...» [Ипат. л., с. 61]; мотив гибели: «...И бяше мость чресъ греблю к воротом городным.

и теснячися другъ друга спехнуша Олега с моста въ дебрь...» [Ипат. л., с. 62]; мотив обращения с телом погибшего князя [Ипат. л., с. 63]. Хотя в данном фрагменте мы видим не убийство князя, а его случайную смерть, мы считаем возможным отнести это повествование к произведениям данной тематики (княжеское преступление), поскольку в нем отражены характерные для данного типа повествований мотивы, а причиной гибели князя стала междоусобная война в результате заговора. Следует отметить, что в данном фрагменте уже проявляется авторская оценка событий — так, безоговорочно осуждается убийство князя Олега, и сам виновник — князь Ярополк — впоследствии сожалеет о случившемся.

Под 980 г. рассказывается об убийстве князя Ярополка его братом Владимиром Святославичем. Здесь мы также можем выделить следующие характерные мотивы: мотив заговора: «...*Володимиръ же посла къ Блуд. воеводе Ярополчу с лестью глаголя. поприяи ми аще оубью брата своего. имети ты начну. въ отца место своего. и многу честь возмеши от мене...*» [Ипат. л., с. 63], мотив предупреждения об опасности: «...*И рече ему Варяжьско. не ходи княже оубьють ты. побегъни в Печенеги. и приведиши воя. и не послуша его...*» [Ипат. л., с. 63], мотив убийства: «...*И приде Ярополкъ къ Володимиру. и яко полезе въ двери. подъяста и два Варяга. мечема подъ пазусе. Блудъ же затвори двери и не дасть по немъ внити. своимъ. и тако оубьень бысть Ярополкъ...*» [Ипат. л., с. 63]. Здесь также присутствует авторская оценка — вся вина возлагается на предателя: «...*О злая лестъ чловечьская. яко же Давыдъ глаголет. ядыи хлебъ мои възвеличилъ есть на мя лестъ. съи оубо луковаше на князя лестью... Яко и Блуд. предасть князя своего. приимъ от него чести многы. съ бо бысть повинень крови тои...*» [Ипат. л., с. 65].

Под 1066 г. помещен фрагмент, рассказывающий об убийстве князя Ростислава Владимировича. Здесь также отражены мотив заговора: «...*Вперёдхъ. сего же оубоявъ же ся Греци. послаша с лестью котопана. оному же пришедшу къ Ростиславу. и оуверившюся ему...*» [Ипат. л., с. 155] и мотив убийства: «...*Единою же пьющу Ростиславу с дружиною своею. рече котопанъ. княже. хоцю на ты пити. оному же рекшу пиш. онъ же испивъ. половину чаши. а половину вдасть князю пити. дотиснувься палчель в чашю. бе бо имея подъ ногътемъ. растворение смеръное. и дасть князю оурекъ смерть. до осми днин оному же испившю...*» [Ипат. л., с. 155]. Следует отметить, что в этом фрагменте, впервые для произведений данной тематики, появляется авторская характеристика умершего князя: «...*Бе же Ростиславъ. мужъ добръ на рать. възрастом же лепъ. и красенъ лицемъ. милостивъ оубогимъ...*» [Ипат. л., с. 155].

Характерен фрагмент, рассказывающий о преступлении против врагов, — это повествование об убийстве в **1095 г.** половецких ханов Илтаря и Кытана, приехавших заключить мирный договор с князем Владимиром. В данном случае нравственный выбор русского князя осложняется непростой политической ситуацией, вследствие чего появляется мотив клятвопреступления: «...*Володимеру же не хотящю сего створити. глаголющю ему. како могу се азъ створити. роте с ними ходивъ...*» [Ипат. л., с. 217]. Также мы можем выделить здесь мотив заговора: «...*В се же верема пришелъ Славятя ис Киева от Святополка к Володимеру на некое орудье. и начаша думати дружина. Ратиборова чадъ. съ княземъ Володимеромъ. о погублене Итларевы чадъ...*» [Ипат. л., с. 217] и мотив убийства: «...*И яко влезоша во истьбу и запроша я. и вои злезше на изьдбу. и прокопаша истьбу. и тако Ельбехъ Ратиборечъ. въземъ лукъ свои. и наложивъ стрелу. вдаря Итларя подъ сердце и дружину его. всю простреляша. и тако эле. испроверже животь свои. Итларь со дружиною своею...*» [Ипат. л., с. 217]. Интересна позиция, которую занимает автор: с одной стороны, он с сочувствием пишет об обманутых половецких ханах, с другой стороны, он оправдывает действия русских: «...*Отвещавше же дружина рекоша Володимеру. княже нести в томъ греха. привель ти е Богъ в руце твои. чему оне к тебе всегда роте ходяще губять землю Рускую. и кровь хрестьяньску проливають беспрестани. и послуша ихъ Володимеръ...*» [Ипат. л., с. 217]. Обращает на себя внимание наличие в данном фрагменте речей действующих лиц, а также упоминание имени непосредственного убийцы хана Илтаря.

Во фрагменте **под 1139 г.** рассказывается о замыслах князя Всеволода Ольговича против других князей, приведших к междоусобным распрям. Здесь мы можем выделить мотив заговора: «...*Седе Ольговичъ в Къиве. и нача замъшляти на Володимериче. и на Мстиславиче. надеяся силе своеи. и хотя сам всю землю держати. с своею братею...*» [Лавр. л., с. 307]. Также в этом фрагменте присутствуют речи героев, в которых используются исторические аналогии: «...*Оже ти брате не досъти всю землю Рускую держаще. а хочешъ и сее волости. а оубивъ мене тебе то волость. а живъ не иду из своее волости. обаче не дивно нашему роду. тако и преже было же. Святополкъ про волость же ци не оуби Бориса. и Глеба. а самъ ци долго поживе...*» [Лавр. л., с. 307].

Под 1149 г. рассказывается о том, как князь Изяслав Мстиславич, по наговору некоторых мужей, отнял имущество у князя Ростислава Юрьевича, а самого его выгнал. В этом фрагменте мы можем выделить мотив заговора: «...*Приде Изяславъ Къиву. и ради бѣша лю-*

дѣе. токмо дьяволъ сетоваше. вложи бо некоторъм мужем его в сердце. и начаша глаголати ему рекуще. яко Ростиславъ Георгевиичъ подмолви на тя люди. и Берендичи и Кияны. а хотелъ сести Къеве. а пусти и къ отцю то твои ворогъ и отецъ его. держиши и на свою голову...» [Лавр. л., с. 319] и мотив преступления: «...Изяслав же послушавъ ихъ. отъима оу него именье. и оружье и коне. и дружину его исковавъ расточи. а Ростислава всади в лодью толико самого ли четверта пусти и къ отцю...» [Лавр. л., с. 319]. В варианте Ипатьевской летописи этот рассказ дополнен речами князей — князь Изяслав достаточно пространно обвиняет князя Ростислава в измене, а тот, в свою очередь, оправдывается: «...Ростиславъ же емоу то отвеча. брате и отце ако ни в оуме своемъ ни на сердци ми того не бѣло. пакы ли на мя кто молвить. князь ли которыи. а се я к нему. моужь ли которыи въ хрстыяных или в поганыхъ. а ты мене стареи. а ты мя с ним и соуди...» [Ипат. л., с. 373].

Во фрагменте **под 1177 г.** рассказывается об убийстве князя Глеба в результате мятежа во Владимире. Здесь мы можем выделить мотив заговора: «...И на третии день бѣсть мятежь великъ в граде Володимери. всташа бояре и купци... любо и казни. любо слепи. али даи нам...» [Лавр. л., с. 385] и мотив преступления: «...Тогда же Глебъ мертвъ. бѣсть июня. въ 30. а Романа сына его одва выстояша. целовавше крсть а Мъстиславъ. и Ярополкъ в пороубе бѣста. и потомъ изведше я и слепивше поустиша...» [Лавр. л., с. 385].

Под 1186 г. рассказывается о том, как по наущению дьявола князь Роман, Игорь и Владимир пошли войной на князя Всеволода и Святослава, чтобы заполучить власть. Но великий князь Всеволод Юрьевич послал войска на помощь Всеволоду и Святославу, и вероломные князья бежали. Здесь мы можем выделить мотив заговора: «...Тако и сихъ подоостри. Романа. Игоря. и Володимера. на Всеволода. и Святослава. на меншею брату. и бѣсть крамола зла вельми в Рязани брат брата искаше и оубити. послаше к нима звахуть ею к собе на советъ лестью. абы како яти ею...» [Лавр. л., с. 399]. В этом фрагменте используются библейские аналогии: «...Въстави дьяволъ вражду. искони ненавидяи добра роду человеческу. и боряся с хотящими ся спасти. яко в прежняя дни. Каина на Авеля брата своего. а потомъ Святополка на Бориса и Глеба власти ради...» [Лавр. л., с. 399], и цитата из Священного писания: «Яко же пророкъ Соломонъ глаголетъ. кажа злѣя приемлетъ себе досаженье. обличишь безумнаго поречеть ты. не обличиши злѣх да не възненавидять тебе. обличиши премудра възлюбить ты. а безумнаго обличиши възненавидитъ ты...» [Лавр. л., с. 401].

Во фрагменте **под 1205 г.** рассказывается, как князь Роман, по наущению дьявола, отослал князя Рюрика в Киев, а сам в это время по-

стриг его жену и дочь в монастырь. Здесь мы можем выделить мотив заговора: «...И дьявол положи смятение великое. Романъ...» [Лавр. л., с. 419] и мотив преступления: «...Емь Рюрика. и посла в Киевѣ. и постриже в чернци. и жену его и дщерь его. юже бе пустил сына Рюрикова и брата его Володимира. а тою поя съ собою...» [Лавр. л., с. 419].

Под 1228 г. рассказывается о том, как князь Ярослав, поддавшись обману, стал замышлять против своего брата Юрия. Но Бог не допустил этого зла, и князья целовали крест к князю Юрию. В этом фрагменте мы выделяем мотив заговора: «...Того же лета. Ярославъ оусумнеся брата своего Юргя слушающа некихъ лъсти. и отлучи от Юргя Костянтиновичи. З. Василка. Всеволода. Володимера. и мыслящеть противитися Юргю брату своему...» [Лавр. л., с. 451].

Во фрагменте **под 1230 г.** рассказывается о двух заговорах против князя Даниила Романовича. Сначала галицкие бояре хотели устроить поджог, но, испугавшись, сбежали. Затем заговорщики хотели убить князя на пиру, но тот был предупрежден и преступления не совершилось. Здесь мы можем выделить мотив заговора: «...Крамоле же бывши во безбожныхъ боярехъ Галичкыхъ. советъ створше. со братоучадьемъ его Александромъ. на оубьенье и преднее земле. его... а Филипъ безбожныи. зва князя Данила во Вишьню. другии советъ створиша. на оубьенье его. со Александромъ братоучадомъ его...» [Ипат. л., с. 761], перечислены имена убийц, реализован мотив предупреждения об опасности: «...И приде емоу посоль от тысяцкого его. Дъмьяна. рекшоу емоу. яко пиръ золь есть. яко свещано есть безбожныимъ твоимъ бояриномъ Филипомъ. и братоучадомъ твоимъ. Александромъ. яко оубьеную ти быти. и то слышавъ поиди назадъ...» [Ипат. л., с. 761]. В этом фрагменте отражены элементы агиографии — заговорщики сравниваются со Святополком Окаянным, и замысел их раскрывается благодаря Божьей помощи: «...Невернымъ Молибоговидьчъмъ. оузревши се. страхъ имъ бысть от Бога. рекшимъ. яко светъ нашъ раздроушися. и побегшимъ имъ. яко оканьный Святополкъ. онемъ бегающимъ...» [Ипат. л., с. 763].

Под 1268 г. рассказывается о том, как князь Лев Данилович пригласил к себе князя Василька и литовского князя Войшелка, к тому времени принявшего монашеский постриг и отдавшего свой трон Шварну — родному брату Льва. Лев же был обижен таким решением Войшелка и убил его. В этом фрагменте мы можем выделить мотив заговора, который носит агиографический характер: «...И посемъ Левъ приеха к нему в манастырь. и поча молвити Воишелкови. коуме. нанимся. и начаша пити. дьяволъ. же исконей не хотя добра. человеческогоу родоу. и вложи во сердце Лвови. оуби Воишелка. завистью. оже

бьяеть. даль землю Литовскоую. братоу его Шварнуви...» [Ипат. л., с. 867].

В целом в результате произведенного жанрово-композиционного анализа рассмотренных выше фрагментов, реализующих тему «княжеского преступления», мы считаем возможным отнести их к жанру летописного рассказа. Эти произведения уступают по объему жанру повести, но их характеризует наличие основных мотивов — заговора и преступления, которые мы определяем для повести о княжеском преступлении в качестве жанрообразующих, а также наличие определенной композиционной схемы.

Под 1217 г. в Лаврентьевской летописи помещен так называемый «рассказ о преступлении рязанских князей», выделяемый еще Д.С. Лихачевым. В нем рассказывается о том, как рязанский князь Глеб Владимирович вместе с братом Константином заманили в свой шатер на пир князей Изяслава, Ростислава, Святослава, Глеба и др. с боярами и всех их убили. Здесь мы можем выделить мотив заговора: «...Глебъ князь Рязаньскыи Володимеричъ. наощень сотоною на братоубиство. здумаѡ в своем оканьнемъ помысле. имея поспешника брата своего Костантина и с ним дьявола. иже ею прельсти своимъ злокозньствомъ. в помысль има вложь рекшема има яко избьеѡе сих. а сами приимеве едина всю власть...» [Лавр. л., с. 439]; перечисление имен убийц, мотив убийства: «...Яко начаша пити и веселитися. и ту абые проклятыи Глебъ с братом. иземъша меча своя начаста сечи преже князи. таже боляръ. и слугы ихъ много множство. одинех князиш. б. а прочих боляръ. и слугъ бе-щисла. изби с своими слугы. и с Половци...» [Лавр. л., с. 441]. В данном фрагменте отразились библейские аналогии: «...А не веси ли оканьне Божья строенья. дает бо власть емуже хоцеть поставляет цесаря и князя Въшьнии. что бо прия Каинъ от Бога оубивъ Авеля брата своего. не проклятье ли и осуженье. и трясенье. или Ламехъ не казнь ли злобе...» [Лавр. л., с. 439]. Отметим, что этот фрагмент, отразивший наличие жанрообразующих мотивов и библейских аналогий, занимает промежуточное положение между летописным рассказом и повестью.

Что касается жанра повестей о княжеских преступлениях, то в составе Лаврентьевской и Ипатьевской летописей традиционно к их числу относят «Повесть об убийении Борисове» 1015 г., Повесть о Всеславе Полоцком 1067 г., Повесть об ослеплении Василька Тербовльского 1097 г., Повесть об убийстве Игоря Ольговича под 1147 г. и «Повесть об убийении Андрея Боголюбского» под 1175 г.

В целом варианты всех указанных текстов в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях совпадают, за исключением Повести об убий-

стве Игоря Ольговича и «Повести об убиении Андрея Боголюбского». В результате проведенного нами жанрово-композиционного анализа данных произведений мы можем выделить общие мотивы, которые являются жанрообразующими. Прежде всего, это мотив заговора: в «**Повести об убиении Борисове**» — «...Тогда призъва къ себе оканьнии тръклятии Святопѣлкъ съвѣтъникикъ всему злу и началники всеи неправды, и отвѣръзъ прескъвѣрнѣная уста рече, испусти зѣлыи гласъ, Путишинъ чади: «Аще убо главы своя общаестеся положите за мя, шедъше убо, братия моя, отаи, кѣде обрящете брата моего Бориса, съмотрише время убиите и«...» [Ипат. л., с. 119], ср. [Ипат. л., с. 231], [Ипат. л., с. 349], [Ипат. л., с. 585]; мотив сопротивления князя обидчикам: в **Повести об ослеплении Василька Теревовльскаго** — «...И се влезоша послании Святополком и Давыдомъ... и боряшется с нима крепко, и не можаста его поврещи. И се влезше друзии повергоша и, и связаша и, и снемше доску с печи, и възложиша на перси его... и не можаста удержати. И приступиста ина два, и сняста другую дску с печи, и седоста, и удавишиа и рамяно, яко персем троскотати...» [Ипат. л., с. 233], ср. [Ипат. л., с. 351], [Ипат. л., с. 587], перечисление имен убийц: «**Повесть об убиении Андрея Боголюбскаго**» — «...Петръ, Кучьковъ зять, Анбалъ, ясинъ ключникъ, Якимъ, кучьковичи, а всихъ невѣрныхъ убициъ 20 числомъ...» [Ипат. л., с. 585], в **Повести об убийстве Игоря Ольговича** это «**кѣляны**» [Ипат. л., с. 349], ср. [Ипат. л., с. 233], [Ипат. л., с. 121], [Ипат. л., с.]; мотив обращения с телом убитого князя: **Повесть об убийстве Игоря Ольговича** — «...Безаконнии же немлстивии побивше. и отиноудъ тело его. наго оставишиа и... И оттоуда възложишиа и на кола и везоша и на Подолье на торговище и повергоша пороуганью...» [Ипат. л., с. 353], ср. [Ипат. л., с. 119], [Ипат. л., с. 235], [Ипат. л., с. 591]; сначала ранение князя, затем убийство его: «**Повесть об убиении Андрея Боголюбскаго**» — «...Си же нечестивии, мнѣвша его убиена до конца... отидоша. Онъ же в оторопъ выскочивъ по нихъ, и начать ригати и глаголати, и въ бользни сердца иде подъ съни. Они же, слышавше гласъ, возворотишася опять на нь... И ту оканьни прискочишиа и прикончаше его...» [Ипат. л., с. 589], ср. [Ипат. л., с. 119], [Ипат. л., с. 351], мотив нарушения крестного целования: **Повесть о Всеславе Полоцком** — «...Изяславъ. и Всеволодъ. целовавшие крстъ чстныи. къ Всеславу. рекше приди к нама. а не створим ти зла. он же надеяся целовании крста. перееха в лодыи чрьс Днепръ. Изяславу же в шатерь. предидушю и тако яша Всеслава на Рши. оу Смоленска. приступившее крстъ. Изяславъ же. приведе Всеслава Кыеву. и въсадишиа и в порубъ ...» [Ипат. л., с. 155], ср. [Ипат. л., с. 233].

Мотив сопротивления князя убийцам, характерный для многих повестей о княжеских преступлениях, отсутствует в «Повести об убиении Борисове», так как он напрямую противоречит основной идее этого произведения — идее непротивления, покорности старшим, а также жанровой традиции мученичества, которой в данном случае стараются следовать автор.

В этих произведениях широко представлена церковная риторика, элементы агиографии: это и молитвы, которые произносят князья, и цитаты из Писания, и пространная похвала, а также мотив знания князя о задуманном убийстве и готовности претерпеть все с Божьей помощью: «**Повесть об убиении Андрея Боголюбского**» — «...*Князь же Андреи, вражное убиство слышавъ напередъ до себе, духомъ разгореся божнственымъ...*» [Ипат. л., с. 583], ср. [Ипат. л., с. 119], [Ипат. л., с. 350].

В заключение мы можем говорить о главных мотивах, общих для летописного рассказа и летописной повести о княжеских преступлениях, — это мотив заговора и мотив убийства. Но, как мы видим, жанр летописной повести отличает больший объем, более широкий набор мотивов (например, мотив обращения с телом убитого князя, мотив перечисления имен убийц и др.), а также связь с агиографией. Эти компоненты позволяют говорить о более развитом сюжете летописной повести и ее литературной обработке.

Следует отметить, что, как пишет А.А. Пауткин, тематическое влияние в летописи проявляется достаточно сильно. Но, как мы видим, на примере фрагментов, рассказывающих о насильственной смерти князей или о преступлениях по отношению к князьям, можно с уверенностью говорить именно о плодотворности применения жанрового подхода к изучению древнерусского летописания.

Таким образом, в процессе анализа повествований о княжеских преступлениях в составе Ипатьевской и Лаврентьевской летописей мы пришли к выводу, что в них представлены повествования трех жанровых типов: погодная запись, летописный рассказ и летописная повесть. Большая часть из них представлена жанровым типом рассказов и погодных записей. Что касается жанра повестей о княжеских преступлениях, то в целом он представлен небольшим количеством хорошо известных в науке произведений.

Произведенный анализ позволяет говорить о том, что тематика повествований о княжеских преступлениях представлена разными жанровыми типами, что говорит о необходимости уточнения существующего в науке термина «повести о княжеских преступлениях».